

ИРИНА
МУРАВЬЕВА

ЖЕНА ИЗ ТАИЛАНДА

Высокая проза

Эта проза странная. Издатели пытаются ее уткнуть в жанр «женской прозы», а жанр для нее маловат, трещит по швам. Слишком живое, слишком настоящее.

Михаил Шишкин

Ирина Муравьева — самый, по-моему, интересный русский зарубежный прозаик новейшего времени. Безупречная память, тонкий слух, высокопрофессиональная наблюдательность и дар сострадания — что еще нужно хорошему писателю? Всем этим обладает Муравьева. Бог ей в помощь.

Александр Казаков

Ирина Лазаревна Муравьева

Жена из Таиланда

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176992

Жена из Таиланда: Эксмо; М.: 2009

ISBN 978-5-699-32616-7

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Ирина Муравьева

Жена из Таиланда

Деби Стоун, с зимы изучавшая русский язык, и Люба Баранович, ее учительница, молодая, недавно эмигрировавшая из России, стояли на платформе и напряженно всматривались в усыпанную мелким дождем темноту, откуда должен был вот-вот появиться поезд. И он появился: сначала горящие, выпученные глаза его, потом ярко-черная морда и, наконец, все его натруженное, длинное и скользкое тело, внутри которого находились те, которых они поджидали. Пока заранее улыбнувшаяся Люба не подошла к ним и не заговорила, они, насупленные, стояли возле своего вагона, не двигаясь с места. Услышав Любино «здравствуйте!», прибывшие оживились, и самая высокая из них, большегрудая, рыжая и растрепанная, с бантом в помятой прическе, бросила свою сумку наземь и всплеснула руками так энергично, как будто и Люба, и стоящая чуть поодаль смутившаяся Деби были первыми на свете красавицами. От резких движений рукава ее плаща съехали, и большие часы под названием «Командирские» сверкнули, как летнее солнце.

В восьмиместном автобусе, взятом напрокат специально

для съемок, помчались в гостиницу, где Деби еще вчера зарезервировала несколько номеров. Чернокожая дежурная с распряmlенными кудрями, которые она все время сдувала с переносицы, оттопырив свою лиловатую нижнюю губу, сняла копии с российских паспортов и, широко улыбаясь, сообщила, что завтрак накроют внизу рано утром. После этого гости наконец-то отправились спать, а Деби, смущенная, с Любой, взволнованной встречей, тревожно кокетливой, тоже расстались.

Ночью раздался звонок, и Люба, успевшая лечь и закрыть свои веки, узнала хрипловатый голос Деби, бормочущей чушь и нелепость:

– А мы ведь должны им помочь! Какие прекрасные люди! Если нас попросили участвовать в съемках, значит, это что-то важное для твоей бывшей страны. Я понимаю, что ты уехала и, верно, обижена, да? На вашу страну и на партию. Я понимаю. Однако же люди – при чем? И какие! Ты видела: там есть писатель? И он мне сказал, что он «малчык войны». А что это: «малчык войны»? А рядом был Петья. И он оператор. Такой смешной нос! Как у утки. Ты слушаешь, Луба?

«Луба» кивнула и увидела, что в зеркале вместе с ее покорным кивком уже отражается дерево. Дождя больше не было. В небе, как астра, рассыпалось утро.

Съемки начались в одиннадцать, но не в Гарварде, как предполагали поначалу, а в большом и неуклюжем доме Деби, которой благодарные гости решили сделать приятное

и предложили выступить перед многомиллионным российским зрителем.

– Я что говорю? – Рыжая Виктория надвигалась на Любу в своей золотой, с черным бархатом кофте. – Что женщина – главное в мире! Вот кто-то сказал, я не помню, ну, типа царя Соломона, что женщина – это приятно! И он не ошибся! А Деби для нас ведь находка! Простой трудовой человек из Америки, всю жизнь посвящает тому, чтоб помочь! Вот этих казахов она привезла, малышей. Ну, бедняжечек этих! Из Алма-Аты. Они здесь закончат колледжи, вернутся домой. Им Деби сейчас ближе мамы!

Люба не стала объяснять, что у «бедняжечек» из Алма-Аты были отцы, которым принадлежали нефтяные и газовые скважины, а сами «бедняжечки» познакомились с доверчивой Деби на конференции пацифистов, случившейся летом в Алма-Ате, где они работали переводчиками.

Широкое лицо хозяйки пылало пожаром, и шелковая блузка, в которую она нарядилась для съемки, была тоже жаркого красного цвета.

– Котенка, котенка ей дать! – командовала Виктория. – Большим крупным планом – котенка! Животное! Близость к животным! Гуманность! И скажем за кадром, что сердца хватает на всех! Всех спасает!

– Да прямо уж – всех! – лениво усмехнулся оператор с носом уточкой и подмигнул Деби. – Кого же она, бляха-муха, спасла-то?

– Кого? – возмутилась Виктория. – Ах, Петя, ты скажешь! Да вот хоть котенка! Гуляет в лесу, видит: мертвая кошка. Ну, кто наклонился бы? На руки взял? Сдох, и ладно! А тут... Тут ведь сердце! Берет она кошку и мигом в больницу! И все трансплантируют. Все, до копейки! Все почки, всю печень. Включая и глазик. Да, глазик! Искусственный. Цвет-то! Как небо!

Кошка повела на оператора большим, ярко-синим, загадочным глазом. Второй глаз был карим, почти даже желтым, и видно, что свой, от природы, обычный.

– Черт знает! – пробормотал оператор. – У нас человека лечить не пристроишь, а тут, бляха-муха...

Через два дня русскую команду, нагруженную еще больше, посадили в нью-йоркский поезд. Поэт Сергей Егоров, «мальчик войны» и автор нашумевшего стихотворения «Мои яблоки», ставшего песней, не менее знаменитой, чем «Подмосковные вечера», припал к Дебиной руке. Рыжая горячая Виктория обняла ее, вся задохнувшись:

– Родная! Идею твою принимаем! Работать согласны. Совместно. И дома, в Москве, и здесь, в Штатах. И сделаем фильм. Всем покажем!

Тут он подошел. Совсем по-хозяйски, вразвалочку. Нос как у утки. Крепкими руками притиснул Деби к себе. Шея его пахла сигаретным дымом, а пальцы были горячими и жадными. Потом отпустил, не целуя.

– Ну ладно, подруга, – громко, как глухой, сказал он. –

Приедешь в Москву, погуляем.

* * *

Летели долго, с двумя утомительными пересадками – в Нью-Йорке и в Хельсинки. Волновались, как их встретят и встретят ли: все решилось в последнюю минуту. В Шереметьевском аэропорту было накурено, стоял везде ровный, взволнованный гул, сильно пахло разлукой. Туалетной бумаги не было. Неуклюжая Деби поставила сумку на краешек раковины, разбила бутылку с коньяком, купленную в Хельсинки. На запах и грохот пришли две уборщицы с одинаковыми тусклыми лицами, напоминающими монеты, попавшие под колесо.

– Дурында какая! Ах, Господи! – сказали они и всплеснули руками. – Бывают дурынды-то, Господи!

Объятие Виктории было горячим, тяжелым и громким, как сумка с камнями.

– Ну, все! Наконец-то! Родные! Ну, слава те, Господи! Петь, ты где? Все, начали съемку! Минута прибытия. Взял и пошел!

В черных измятых штанах, в черной майке Деби смутилась до слез, встретившись с его прищуренными глазами. Опять подмигнул, засмеялся. Она закрыла лицо мясистыми бордовыми георгинами, которые жалобно пахли землею.

Летом девяносто второго года в Москве было жарко по-

что с Первоя. Асфальт накалился, сирень стала желтой. С гостями из Штатов начались неприятности. Во-первых, еда. На завтрак в гостинице «Юность» давали крутое яйцо, ломтик сильно блестящего сыра, красивый цветочек из твердого масла и сахар кусочками. Хлеб – белый с черным. Чай, кофе, какао на выбор. Все вроде в порядке. Однако на третий же день группа вдруг заболела. Сидели понурые, пили боржоми. Боржоми бурлило в желудках, как Терек. В двенадцать часов по московскому времени к молоденькой ассистентке режиссера, спустившейся вниз за шампунем, пристали чужие усаые люди. Зрачки как маслины, мохнатые шеи – в цепях, пальцы – в перстнях. Вошли вместе в лифт и нажали на кнопку. Только когда доехали до восьмого этажа, догадались, что птичка по-русски ни «бе» и ни «ме». Чеченского тоже не знает. Выпустили на втором этаже, погладили по голове, пощелкали вслед языками. Ассистентка ворвалась в номер к Любе Баранович, стучала зубами от страха. Едва успокоили.

У Любы была вся команда плюс Петр с Викторией. Проект обсуждали на двух языках, все кричали.

– Что я хочу снять? – надрывалась глотнувшая водки лохматая Деби. – Я жизнь хочу снять, вашу жизнь! Вот ваши мужья. Это ужас! Они же третируют жен! А жены? У них же мужья как прислуга! Вчера один муж бил жену рядом с почтой. И видели все. Полицейский их видел. И он промолчал. Это ужас! А утром другая жена била мужа. Ну, то есть,

в общем, не била, а сильно толкала. Вот так! Прямо в спину.

– Эх, Дебочка! Жизни не знаешь! – усмехнулся Петр и накрыл руку Деби своей горячей ладонью. – Не бьет – так не любит. Народ наш – дерьмо. Дерьмо, говорю! Понимаешь? А лучше нас нету. Такая вот штука.

– Ти што говорите? – испугалась Деби.

– Ах, что? Он согласен! – простионала Виктория и схватилась за виски, исписанные мелкими поперечными морщинами. – Конечно, согласен! А как ведь все было? Ведь ты же не знаешь! Сначала Орда, жуть, татары. На улицу просто не выйдешь. Кибитка к кибитке. И лошади тут же! Потом интервенты. Ну, это уже в нашем веке: Колчак и Деникин, и красные тоже. Потом продразверстка. Потом сорок первый! Спасали весь мир. Все – в окопы! И вши тоже были. Буквально на людях! Да, что говорить! Настрадались! Колеса истории, как говорится. Сейчас у нас бизнес. Кто спит у нас ночью? Никто, ни секунды! Когда людям спать? У них у всех бизнес!

– А что? Что плохого? – огрызнулся Петр и налил себе коньяку в темно-синий стаканчик. – Жрать хочешь – крутись! Не подохнешь!

– Ой, что я сию-то! – спохватилась Виктория и вспыхнула как бузина. – Ведь нужно же пленки смотреть! Встали, Петя?

– Вот ты и смотри. – Оператор вдруг отвел глаза. – Мне Деби журналчик один обещала. У ней вроде в комнате.

Помнишь?

* * *

С первым своим мужем, сутулым и рыжим ирландцем, она прожила три недели. Сначала был весел и вдруг загрузил, заметался. Запил беспробудно. Потом оказалось, что он алкоголик, все время лечился. Она и не знала. Пришлось удрать к матери – с пузом, без денег. Они развелись, когда дочке был месяц. Ирландец оставил свой дом и все деньги. А сам, видно, спился, погиб под забором.

Второй, итальянец, имел свою адвокатскую контору, занимался бракоразводными процессами. Мечтал все поймать на измене. Жизнь с ним была бурной и очень тревожной. Потом изменил ей он сам. И как! С секретаршей. Она не стерпела, расстались врагами.

И третий, который был полным и мягким, как тесто, ее тоже предал. Ушел к своей первой возлюбленной. Она овдовела, вот он и ушел. Прямо перед разводом умер его отец, оставив сыну огромное состояние. Деньги по законам штата Массачусетс поделили поровну. Деби оказалась богатой, израненной и одинокой. И с дочкой у них не сложилось. Приедет на день: «Мама, мамочка!» Чмок! Улетела! Потом и звонка не дождешься.

За окнами гостиницы начиналась гроза. Все было лиловым от вспышек, особенно клумба с ромашками прямо у входа. Лиловые ромашки жались к земле, и земля содрогалась. Потом хлынул дождь.

– Эх, славно! Гроза! – бормотал Петр. – Люблю, когда дождь!

Узкие глаза его стали дикими, словно слепыми, лоб мокрым, блестящим от пота.

– Люблю грозу в начале мая! – вскрикивал он, приподнимаясь и опускаясь над ее неловким, горячим и радостным телом. – Когда весенний первый гром...

– О! – задыхалась она, стараясь понять то, что он говорит. – О, Петя! Лублу как я вам! Очэн! Очэн!

Виктория просто сходила с ума. Проект летел к черту. Влюбилась, как кошка, а он нос воротит. К тому же женат! Что будет, когда она **это** узнает? Тогда все, конец, хоть бросайся под поезд! При этом сама Виктория очень любила трогательную историю Петровой женитьбы и раньше, до появления Деби, часто рассказывала эту историю со слезами на глазах.

Они поженились, еще восемнадцати не было. Мальчишка с девчонкой. Уехал в Москву. Ну, талант! Не придраться. И тут поступил. Она в Николаеве, ждет его, значит. Ну, ждет да

ждет. А он все не едет. Ее не зовет. Что женат, что свободен – поди разбери! Оператор от Бога! Вот мне говорила София Ротару: «Когда крупный план, только Петю! У всех, у других, я – лягушка!» По мне, так она просто жаба, но Петя умеет! Раз щелкнет, два щелкнет, и вот вам шедевры! Влюбился в одну. Муж в Париже. Помощник посла. Сама она – стерва, одета как кукла. Ну, муж только рад, что любовник завелся. Ему только легче. А наш-то не шутит! Сначала, конечно, развелся. «Прости меня, Оля! Не знаю, как вышло!» Она – ну ни слова! «Конечно, конечно!» Мол, все понимаю, давай разводиться. И все. Они развелись, он женился. Скандалы, измены. Такой был кошмар, вспомнить страшно! Опять развелись. Отдохнул и – по новой! Другая мерзавка, «Умелые руки»! Кружок был по третьей программе, кораблики делали. Баба – картинка! При этом мерзавка, мерзей не бывает. Пожили-пожили, опять все насмарку. И тут телеграмма от Оли: «Вот так, мол, и так. Торопись: мать в больнице. И врач говорит: плохо дело».

Сорвался, поехал. В больнице сказали: «Берите домой, мы не держим». Он взвыл благим матом. Куда ее брать? И тут Оля: «Езжай, не волнуйся, все будет в порядке». И мать забрала. Я ни слова не вру! К себе забрала, в коммуналку. Мать – все под себя. Недержание. Любая бы – что? Но не Оля! Все терпит, святая! Приехал он мать хоронить. Там все уже сделано, чисто, блины, угощение. И тут-то его как бабахнет: «Да что ж я, дурак! Вот мне друг, вот жена! Стакан перед

смертью подаст, это точно!» И – бах! Предложение! Ей!! Отка-за-ла! Такое вы слышали? Я – никогда! Уехал в Москву. Ей звонит каждый день: «Давай выходи!» Ни в какую. А летом приехала. Прошлым. Болел. Чего-то там резали, точно не знаю. Ухаживать нужно? Ну, тут и она. Святая! Буквально святая. Живут. Но Олечка замуж не хочет. «Что мне этот замуж? Я в нем уж была!» Такая история! Чудо!

* * *

Заросший седыми, отливающими в желтизну волосами старик сидел на пустом перевернутом ящике. Белый дом смотрел на него равнодушными своими окнами, молодые, недокормленные милиционеры его почему-то не трогали. Жилье старика было очень простым: ящики и коробки, нагроможденные друг на друга так, что из всего вместе получилась избушка, плотно накрытая газетами и сверху газет – целлофаном.

А в пятницу днем вдруг приехал автобус. На правом боку у автобуса было написано: «Съемки», на левом: «Останкино». Из дверцы скакнула высокая, полная женщина с сумкой. Лицо ее было немного напуганным, круглым и красным. Но так неплохая, хотя и с приветом.

Старик приподнялся:

– Идите, идите, гостям всегда рады.

Иностранная женщина крикнула что-то свое внутрь авто-

буса. С подножки его тут же спрыгнули двое: мужик в рваных тапках и девка-красотка. Мужик залопотал по-русски, но так неумело и подобострастно, что ясно любому: приезжий. Девка-красотка заулыбалась сахарными зубами, сказать – ничего не сказала. Видать по всему, не умеет.

– Садитесь давайте, – захлопотал старик, придвигая к ним ящики. – Местов нам хватает. А как же вас звать-то?

Гости осторожно расселись. Мужик в рваных тапках сказал:

– Меня зовут Ричард.

– Куда-а? – огорчился старик. – Такого не знаю. По-русски как звать-то?

Мужик засмеялся и развел руками.

– Григорием будешь, – решил старик. – Ушам хоть не тошно.

– Зачем здесь сидите? – спросил иностранный Григорий.

– Зачем я сижу-то? – загадочно прищурился хозяин. – Затем, что причины имею.

– Какие же это пры-чы-ны?

Старик начал степенно рассказывать историю жизни, бедовую и непростую. Гости внимательно слушали.

– Остался, как есть. Без всего. Ну, думаю: ладно. Пошел я сюда. Здесь у них дерьмократы. – Он хитро посмотрел на Ричарда и подмигнул ему. Ричард испуганно расхохотался. – Устроил жилье. Тепло, ладно. Пишу президенту письмо, пусть читает.

— А вас все-таки не прогонят? — вежливо поинтересовался Ричард.

— Меня-то? Ни в жисть не прогонят! Куда меня гнать? Я гляжу в корневище!

— В кого вы? — не понял Ричард. — И что это вот: кор-нэ-вы-ще?

— Да что! Корневище! Все вижу. И жисть твою вижу, и все твои дрюки.

Иностранный Григорий окончательно растерялся:

— Мои это... что?

— А то! — И старик крепко хлопнул его по колену. — Мужик ты незлой, книжки любишь. Сынок у тебя непутевый, а баба лентяйка, но ты с ней не очень... Еду уважаешь, и рыбку особо. Еще что? Здоровый. Башка варит важно, но скачешь уж больно. Людей привечаешь, боишься обидеть. Деньжата, бывает, плывут, и большие. Но все больше мимо, поскольку ты, парень, с деньгами не дружишь, транжиришь их много... Совет могу дать. Будешь слушать?

Ричард торопливо закивал головой.

— Ты, милка, на Троицын день, — старик понизил голос и придвинулся своим седым и заросшим ртом к уху Ричарда, — скажи-ка молитву. Сперва на коленочки стань и скажи: «Пречисте, нескверне, безначальне, неисследиме, непостижиме, невидиме, неисследиме, неприменне, непобедиме, неизчетне, незлобиве Господи! Един имеяй бессмертие, во свете живой неприступном, сотворивый небо, и землю, и мо-

ре, прошения подавая!» Запомнил?

— Ну вот, а про эту что видно? — Ричард указал подбородком на Деби, которая широко раскрытыми глазами наблюдала за происходящим, ни слова не понимая.

— Про эту? — польщенно заулыбался старик.

Лицо его вдруг изменилось.

— Чего я там вижу? — забормотал он, вставая со своего топчана и сильно нахмурившись. — Чего мне глядеть там? Делов еще много... И вам тоже время... Вон транспорт заждался!

Когда же автобус отъехал наконец и солнце, раскалившее донельзя окна Белого дома, укрылось за бронзовой тучей, старик стянул с головы дырявую ушанку и несколько раз то-ропливо перекрестился:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго. Да приидет Царствие Твое, да будет Воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Григорий, известный скорее как Ричард, к тому же имел и фамилию: Фурман. Деби познакомилась с ним незадолго до этого лета и очень гордилась, что будущий фильм был в надежных руках. Когда-то, пугливым зеленым студентом, совсем юный Ричард гостил здесь нередко, провел в Москве целую зиму и очень был дружен с ее диссидентами. Теперь, ставши крупным, известным славистом, писателем острых российских сюжетов, таких, как «Убийства в Кремле», «Джозеф Сталин» и запись бесед с сыном Н.С. Хрущева, он так же любил наезжать в этот город, который (казалось

ему!) не менялся. Хотя нет, менялся. Бойцы-диссиденты стали раздражительными и болезненными, огрызались на своих боевых подруг, виски у которых подернулись пеплом, а зубы коростой, и не было мира, и не было лада среди этих бывших бойцов-диссидентов. Ушла золотая весна, удалилась.

Теперь приходилось клеймить не советскую власть (она так на так развалилась, бедняга), а прежних дружков, укативших на Запад и там проживавших себе на покое. Всех этих максимовых бывших, синявских, войновичей разных... Да всех не упомнишь. Когда же в Москве появлялся вдруг Ричард, простой и приветливый, преданный дружбе, бойцы-диссиденты смягчались, теплели, долго и простодушно обнимались то с ним, залетевшим, то просто друг с другом, усаживались, как бывало при советской власти, на тесные кухни, нарезали соленых огурчиков, раскладывали селедочку, варили картошечку и под аромат ее, жарко-сладостный, бубнили себе под гитару про платица белые... И Ричард всегда был душой компаний.

Виктория, доверявшая ему всем сердцем, решила было намекнуть про историю с Петей, про то, что вот Деби грустна, недовольна, но Ричард хитрил, ускользал, слов не тратил. Одно оставалось: сам Петр. Прижать его к стенке. И все! С глазу на глаз. А ну, отвечай мне, предатель! А кто же? Конечно, предатель! Все дело засыпал. Деби спускалась к завтраку погасшая, с красными веками, при виде Петра начинала метаться, работа ее уже не занимала. А он? Да все то

же: наморщит свой нос, как у утки, и – деру!

Наконец Виктория не выдержала. День вяло плыл к вечеру, парило, нило. Асфальт был присыпан, как сахарной пудрой.

– Петяня, – мягко и просто сказала Виктория, чувствуя, что соски ее болезненно напрягаются под прилипшим от душного дня новым лифчиком. – Ты как собираешься жить? В этом новом твоём положении?

– Рожать собираюсь, – мрачно пошутил Петр.

– Дошутись, Петя! – вспыхнула Виктория. – Она ничего ведь не знает! Она ведь не знает, что ты ведь женился!

– Как это: не знает?

– Откуда ей знать? Где ей? Петя! Ей разве кто скажет? Она у девчонок спросила: один он? Девчонки сказали: «Да, да! Не волнуйтесь!»

Петр со злостью покрутил пальцем у виска.

– Ты, Вика, сдурела!

– Ах, так? Я сдурела? А ты об чем думал? Работу срываешь! Из-за твоего безответственного поведения мы зиму в Москве проведем! Да! На печке!

– А если б не я, так тогда бы что было?

– А если б не ты, был бы Бостон! Лос-Анджелес! Вот что! И съемки в Нью-Йорке! Да мало ли что! Что молчишь? Сам ведь знаешь!

– В постель меня ложишь? От Оли к вот этой?

– Петяня! – Виктория испуганно оглянулась на дверь. –

Ты будь подорожее! Ведь любит же, Петя! А женщина – чудо! Ну, что? Не убудет! Для дела, Петяня!

– Заткнись ты! – себе под нос пробормотал оператор. – «Для дела»! Эх, скажешь ты, Вика! Какое тут дело? Короче, я сам разберусь, бляха-муха...

На следующий день события приняли совсем неожиданный оборот. Съёмочную группу пригласили в Центральный дом работников искусств, где будет обед, а потом – выступления. У Деби, у бедной, совсем сдали нервы. Короткое черное платье делало ее стройнее, моложе, но волосы были взлохмачены, веки красны, как всегда. Молчала, курила. И пальцы дрожали. Виктория попыталась выразительно переглянуться с Ричардом, но он отвел глаза, стал пялиться на россиянок. На круглые русские скулы. Такие, как ни у кого. Мог бы – съел бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.